

АКТ ОПРОСА
лица с его согласия

г. Санкт-Петербург

26 января 2018 г.

Адвокат Адвокатской палаты Ленинградской области Черкасов В.В., зарегистрированный под № 47/1904 в реестре адвокатов Ленинградской области, выполняя поручение на основании ордера № 613494, руководствуясь ч.2 ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", опросил:

Ф.И.О.: **ФИЛИНКОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ**

Дата рождения: [REDACTED]

Место рождения: [REDACTED]

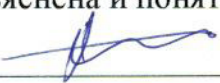
Место жительства (регистрации): [REDACTED]
[REDACTED]

Место работы: [REDACTED]
[REDACTED]

Документ, удостоверяющий личность: личность установлена

Содержится в ФКУ СИЗО-3 ФСИН РФ по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ

Филинков В.С.: Опрос проводится с моего согласия, статья 51 Конституции РФ мне разъяснена и понятна.

 (Филинков В.С.)

Я родился в [REDACTED] и до 18 лет вместе со своей матерью [REDACTED] и сестрой [REDACTED] прожил в [REDACTED]. Точного адреса, по которому мы проживали, сейчас не помню, но возможно мы жили по адресу: [REDACTED]

В 18 лет я переехал в Россию и с 2013 по 2016 годы жил в [REDACTED] где в первый же год поступил в [REDACTED]. Помимо учебы работал программистом в различных фирмах. Из-за работы бросил учебу на 2 курсе. В сентябре 2016 года переехал в [REDACTED], так как познакомился с [REDACTED], которая жила в этом городе. Мы с ней вместе стали проживать в разных съемных квартирах, в апреле 2017 года вступили в законный брак. Последнее время мы жили по адресу: [REDACTED]. Эту квартиру нам сдавала [REDACTED], она является знакомой моей жены. В этот период я работал старшим программистом в [REDACTED]. В конце ноября [REDACTED] предупредила, чтобы мы съехали с её квартиры, она планирует её продать и уже обратилась к риэлтору. 21 декабря 2017 года я окончательно освободил квартиру [REDACTED] от наших вещей. К этому времени моя жена переехала в [REDACTED] с целью получения образования, а я уже проживал у своего знакомого [REDACTED], который снимал квартиру по адресу: [REDACTED]. Познакомился я с ним в период работы в [REDACTED] где [REDACTED] некоторое время был программистом и уволился.

23 января 2018 года я собрался лететь к своей жене в [REDACTED] с пересадкой в Минске. Мой самолет должен был вылетать в 20:05. Я приехал в аэропорт «Пулково», прошел регистрацию, досмотр и находился у терминала А08 в ожидании приглашения на посадку на самолет. Вокруг мест для ожидания в течение получаса ходили люди в гражданской одежде, по которым было видно, что лететь они никуда не собираются. Неожиданно они окружили меня, всего их было 5-6 человек. Мужчина средних лет, одетый в клетчатую рубашку розоватых оттенков развернул передо мной удостоверение в коричневой обложке и представился: «Майор ФСБ Карпов». Его фамилию и звание я не успел разглядеть, так как он убрал удостоверение и сказал мне: «Пройдемте с нами». Я удивился и спросил, в чем дело. За моей спиной кто-то сказал: «Телефон у него забери!». Майор Карпов потребовал, чтобы я отдал телефон и прошел с ними. Я отсоединил наушники и протянул ему смартфон. «Все телефоны!» - снова раздался голос за моей спиной. «Ладно, там разберемся», - сказал Карпов. Он был единственным сотрудником ФСБ, который представился мне.

Меня завели в комнату, войти в которую можно было только по пропуску. Внутри комнаты был серверный шкаф, тумба, неизвестный мне прибор размером с банкомат, стол со стульями, кожаный диван и шкаф. Вещи сложили на тумбу, а меня попросили присесть на диван. Я посмотрел на настенные часы, было 19:35. Примерно через час подошла первая пара сотрудников. Мне задавали вопросы на разные темы, включая вопрос про мою зарплату. Через час пришли еще двое сотрудников, один из них сказал мне: «Ну что, Витя, ты уже понял, почему с тобой происходит то, что происходит?». Я ответил: «Не понимаю, что происходит?». Это вопрос я уже задавал неоднократно, но до этого момента мне отвечали, что это простая проверка, что самолет задержат и так далее. В этот раз один из сотрудников сказал: «Тут один тоже не понимал, а потом упал пару раз и все понял». Я спросил: «Вы мне угрожаете?». Сотрудник ответил: «Нет, просто рассказываю, как бывает». К этому моменту я разблокировал смартфон, не показывая пароль сотрудникам, но отказался разблокировать ноутбук, так как он рабочий и на нем установлен исходный код стоимостью в миллионы долларов. В комнатке была камера, работала ли она, я не знаю. Мне сказали вытащить все вещи из рюкзака. Мой мобильный включили, стали смотреть смс-сообщения, вызовы и список контактов. Смартфон тщательно исследовали, спрашивали про фотографии на нем и что-то сами фотографировали, направляя камеру своих смартфонов на дисплей моего. Паспорт, удостоверение РК и билеты у меня тоже забрали. Как впоследствии я узнал, одного из сотрудников звали Бондарев Константин, его отчество начиналось на букву «А».

Через некоторое время все мои вещи сложили обратно в рюкзак. Меня повели в отдел полиции аэропорта, дверь в который сотрудники открыли своим электронным пропуском. Из внутренней комнаты вышел полицейский и попросил вошедших представиться. Ему показали удостоверение, он попросил сотрудников ФСБ больше не входить по своим пропускам без предупреждения, пояснив: «Нас тут трое, а вас такая толпа заходит. Мы напряглись». Сотрудники полиции попытались «пробить» мои отпечатки пальцев, но пальцы «читались» плохо, поиск по системе «Папилон» ничего не дал. После отдела еще 20-30 минут забирали мой багаж, который после выхода из аэропорта положили в автомобиль «Приора».

При выходе из аэропорта, сотрудники повернули со мной налево, я увидел минивэн «Фольксваген» синего цвета с тонированными стеклами. У минивэна находились двое людей в масках (бафф, закрывающий лицо). Один был высокий, на его перчатках было усиление в виде узора, которых был похож на клетчатый углепластик. Второй сотрудник в маске был невысокого роста. Они оба были одеты

в скамы (военные штаны с карманами по бокам), куртки, перчатки темных, близких к черному, цветов военизированного стиля. Высокий надел на меня спереди и не туго наручники, затолкав в машину, начал ощупывать. Кто-то ему сказал: "Не надо". Но он ответил: "Откуда я знаю, может у него там лезвие спрятано!". Затем он впихнул меня на второй с конца ряд сидений, опустил мне голову к коленям и приказал так сидеть. В дальнейшем, поняв, что он почти не следит за мной, я приподнимал голову, чтобы осмотреться.

Мы выехали из аэропорта. "Я покажу, куда ехать", - сказал один из сотрудников, у которого в руке был смартфон с навигацией. Пока мы ехали, сотруднику кто-то звонил, другой сотрудник у него спрашивал: "Это СС или ВВ?". Первый сотрудник отвечал, что "это СС" ему звонил. В телефонном разговоре он отвечал: "Да, все хорошо, едем вот уже с Виктором".

Сотрудник в маске высокого роста сидел справа от меня и все время что-то мямл в руках, но я не мог четко разглядеть, что это было. Во время первой или второй поездки он временно менялся местами с низким сотрудником, но все остальное время сидел он справа от меня.

Когда автомашина остановилась, мне приказали выйти из салона, после чего люди в масках схватили меня под руки и поволокли на крыльцо какого-то здания. Это здание было из светлого кирпича, имелась внутренняя парковка. Время было примерно около 23 часов. Сотрудник в маске небольшого роста стал поправлять свой бафф (возможно, он ехал с открытым лицом). Высокий сказал: "Да, закрой, а то там камеры". На красной табличке, мимо которой они меня провели, я успел запомнить только буквы: "...МВД по Красно... району". Внутри находились сотрудники полиции в форме, которые не удивились нашему приходу. Меня провели в небольшую комнатку с лавочкой, столом, стулом и «Папилоном». Полицейский под присмотром 2-3 сотрудников ФСБ прислонял мои пальцы к стеклу «Папилона», качество часто его не устраивало и он повторял процедуру. "Отчество?" - спросил он меня. Я ответил, что в паспорте у меня не указано отчества. "Ну нет, так нет" - согласился сотрудник и нажал ввод, оставив это поле пустым. Затем он удивленно спросил, обращаясь к сотрудникам ФСБ: "А кто внес-то?" На что сотрудники ответили: "Ну, ФСБ, наверное".

Долго мы там не задержались, меня вывели из здания и повели к минивэну. Когда меня вели под руки, люди в масках тянули меня в разные стороны. На мое замечание они приказали мне «заткнуться». В салоне голос кого-то из сотрудников приказал держаться за серебристой «Приорой». Пока мы ехали, в рюкзаке звонил мой мобильный, который для исследования включили сотрудники ФСБ из первой пары прибывших в аэропорт.

Когда автомобиль остановился, мне приказали выйти и взять с собой рюкзак, при этом с меня сняли наручники. Люди в масках в здание не пошли. На здании была табличка, на которой я успел прочитать "больница 26". Это была обычная больница, практически вся в ужасном состоянии. В регистратуре были очереди, сотрудники ФСБ стали возмущаться, что нам придется ждать со всеми. Все вопросы решал прибежавший медик из числа руководства больницы. Выглядел он молодо, с небритостью, среднего роста. Он и сотрудники долго решали, что делать с полисом, так как я иностранный гражданин и ОМС у меня нет. Сотрудники ФСБ предлагали оплатить обследование из моего кармана, при этом говорили мне: "А что, у тебя денег много". В регистратуре сотрудники сообщили, что им надо провести мое "освидетельствование".

Я давно не был у врача, ждал полис ДМС, который должен был получить в феврале, поэтому жалоб у меня было много на проблемы с шеей, спиной, псориазом,

ноющими суставами (особенно колено), головными болями и т.д. Меня без очереди провели к врачу, который меня осмотрел. В это время сотрудники ФСБ достали из рюкзака мой телефон, увидел, что он сел от входящих, приказали искать зарядку. Я нашел и один из сотрудников унес ее с телефоном. Перед сдачей крови мы ждали прихода врача, конвой из сотрудников что-то громко обсуждал, и доктор, находившийся с нами в кабинете, выгнала почти всех: "Так, ждите снаружи!». Оперативники огрызнулись, но вышли, со мной остался один. После взятия крови из вены в три, если не ошибаюсь, пузырька, мое тело снова осмотрел уже полностью, как я понял, врач-хирург. Пришел еще один сотрудник, его позвали посмотреть мою татуировку и сделать её фото. Вернувшись в предыдущую комнату, меня просили касаться носа с закрытыми глазами, водили по рукам, просили сжать руки доктора и прочее.

Очень долго ждали очереди на рентген: "Уже третий час! Зачем ты сказал ему, что у тебя колено болит?", - возмущался сотрудник ФСБ. "Кто это тебе звонит?" - демонстрируя экран моего телефона, спросил оперативник. "Не знаю, может жена," - ответил я. "Ну, номер же украинский?" - спрашивал сотрудник УФСБ. В комнате рентгена стоял рентгеновский аппарат SANSUNG, на котором имелись наклейки, гласящие об опасности поражения глаз лазером, а также сетки разметки, все надписи были на английском языке. Один из сотрудников ФСБ прошел в комнату управления, возможно это был Бондарев К.А. Мне сделали рентген почти всего тела: голова профиль/анфас, корпус, поясница, таз, левое колено. Точное количество снимков я не помню, может 7-10.

"Он здоров! Ничего на рентгене нет!" - сказал оперативник, подходя к нам с документами. Сотрудники убрали мой телефон в рюкзак и повели меня к выходу. У минивэна уже стоял высокий человек в маске, он спросил: "Все?". "Да, застегивай его сзади", - скомандовал ему Бондарев К.А. Человек в маске затолкал меня в салон автомобиля, ощупал, вдавил в сидение второго с конца ряда, заломил руки за спину, надел на меня наручники. Затем он натянул мою шапку мне на лицо и что-то прокричал мне в ухо, силой пригибая мою голову к коленям. Я очень испугался. Водителю приказали ехать за «Приорой». В машине точно был Бондарев К.А., водитель, 1-2 человека в маске и еще 1-2 оперативных сотрудника УФСБ, то есть в машине было не менее 5-6 человек кроме меня. У одного из сотрудников в руках я видел смартфон с включенным дисплеем (возможно был открыт мессенджер Viber или WhatsApp).

Подголовника на спинке кресла, на котором сидел Бондарев К.А., не было с самой первой поездки. С этого момента я стал понимать, что либо это специальный автомобиль для таких "мероприятий", либо готовили его, пока я был в аэропорту. Я уже понимал, что проведенное обследование, отсутствие подголовника, наручники за спиной, шапка на лице, люди в масках - все спланировано заранее и никаких вопросов у присутствующих не вызывало.

Дышать было трудно и я попытался медленно сдвинуть шапку, но смог освободить только нос. Человек в маске, как мне кажется, левой рукой прижал меня к сиденью, и вероятнее всего правой рукой нанес два удара в правую часть грудной клетки, в нижнюю часть грудных мышц. Затем он силой вернул меня в прежнюю позу, наклонив голову к коленям. Бил он явно не ладонью, так как площадь удара была небольшой. Когда он повторял эти удары в грудь в следующий раз, я уже мог видеть больше из-под шапки, и заметил, что он бьет кулаком, но ладонью ко мне. Человек в маске вернул меня в прежнее положение, когда голова смотрит в колени и уперта впереди стоящую спинку сидения, после чего он нанес несколько ударов по

моей спине, не по середине, а справа от позвоночника. Я стал издавать какие-то звуки. "Не дергайся, я еще не начал" - сказал человек в маске.

Бондарев К.А. произнес несколько раз "Витя, Витя!" и одновременно нанес несколько ударов по моему затылку. Площадь удара была большой и я решил, что бьет он ладонью. Его голос был ровно передо мной, за спинкой кресла, в которую вдавливалась моя голова от этих ударов, а слова произносились синхронно с ударами.

Затем я получил первый удар током. Это было невыносимо больно, я закричал, а тело мое выпрямилось. Человек в маске приказал заткнуться и не дергаться. Я вжимался в окно и пытался отвернуть правую ногу, разворачиваясь к нему лицом. Он снова силой восстановил мое положение и продолжил наносить удары электрошокером. Удары током по телу он чередовал с ударами током в наручники. Иногда он бил кулаком в спину и грудь, а удары в затылок ощущалось как сильные подзатыльники, после которых я ударялся лицом в спинку впереди стоящего кресла. Когда я кричал, мне зажимали рот, угрожая заклеить его или затолкать в него кляп.

Я сдался практически сразу, в первые 10 минут, понимая, что в противном случае потеряю здоровье. Их угрозы звучали очень убедительно, я верил, что они их воплотят, если я не соглашусь. Я кричал: "Скажите, что заказать, я все скажу!", но насилие не прекратилось.

Мне Бондаревым К.А. задавался вопрос: «Где оружие?». Я отвечал, что не знаю ни про какое оружие, после чего меня били током. Затем Бондарев вновь говорил: «Все ты знаешь, где оружие». Тогда я просил сказать мне, что я должен им ответить, чтобы они меня не били, но все равно получал удары.

Мне задавали вопросы, если я не знал ответа, меня били током, если ответ не совпадал с их ожиданиями, били током, если я задумывался или долго формулировал, били током, если забывал то, что мне сказали, били током. Никаких передышек не было, удары и вопросы, удары и ответы, удары и угрозы. "Ты сейчас на мороз голый пойдешь! Хочешь?", "Сейчас мы тебе по яйцам бить будем шокером», - эти и другие угрозы произносил в основном Бондарев К.А. Человека в маске обычно интересовало положение моего тела и крики, он заламывал меня, хватал за шею, "шкурку", руки и куртку, а также наносил удары в спину, грудь, затылок и изредка в лицо, когда я снова пытался отвернуть ногу, разворачиваясь спиной к окну.

На фоне ударов током обычные удары ощущались слабо, удары по голове я фиксировал в основном, когда белело в глазах. Человека в маске чаще говорил мне: "Че ты щемилшься?", "Я еще ничего не сделал!". При этом он для устрашения "трещал" шокером у моего лица или рядом с ногой. Это все было унижительно, я чувствовал свою беспомощность и незащищенность. Я думал, что если буду играть по их правилам, мне не будет больно, но больно мне было в любом случае. Человек в маске бил током в разные места: наручники, шею, грудь, пах. Но самым удобным для него местом была моя правая нога. Он прижимал меня к окну, фиксируя мое тело, и приставлял к бедру шокер, жал на кнопку и держал, в этом положении ногу мне девать было некуда.

Всего сотрудник в маске нанес мне не менее 50 ударов электрическим током, используя электрошокер, а также не менее 20 ударов кулаком по разным частям тела. Бондарев К.А. нанес мне не менее 10 ударов ладонью в область затылка.

Затем сотрудники прекратили издевательства и кто-то из них сказал: "Так, теперь по порядку будешь повторять". Далее шло перечисление тем, которые я должен был за ними повторить, Список был длинный, пока его зачитывали, я его

забыл. “Простите, я забыл начало», - пытался я оправдаться, после чего меня снова били током, повторяя свои угрозы вывести голым на мороз, бить током «по яйцам».

“С женой ты почему?” - спросил меня Бондарев К.А. “Я люблю ее! - кричал я. Он спросил, с кем она общается? Я ответил, что не знаю. Некоторые вопросы шокировали меня и унижали особенно сильно, например: “Ее е.ут, а ты не знаешь?”

“Пароль! Пароль от ноутбука!” – кричал кто-то из оперативников. Я пытался вспомнить, поэтому получил удар током. “Я вспоминаю!” - кричал я. Когда я продиктовал пароль, кто-то из сотрудников пригрозил: «Сука, мы же проверим, если ты пи..ишь, тебе пи..ец!» Я не хотел чтобы они читали мои переписки с женой и близкими друзьями. Я чувствовал полную потерянность и обреченность, мне никогда не было так плохо, я не понимал, как эти люди спокойно совершают такое насилие. Зеленый огонек на шокере наводил меня в панику и ужас.

“Слышь, ты че, обо.рался? Че так воняет?” - спросил кто-то из сотрудников. Мне показалось, что пахнет чем-то горелым, запах действительно стоял сильный и неприятный. Я посмотрел на свою ногу, она была в темных пятнах, но я не мог разобрать, что это за пятна. Я думал, что от шокера, но пятна располагались ближе к внутренней части бедра.

Как все закончилось, я помню плохо. Меня вытащили из минивэна, кто-то заметил, что у меня лицо в крови. Человек в маске завел меня за микроавтобус, с задней его стороны. Я попытался запомнить номер, это было тяжело, голова гудела, все тело болело. Как мне кажется, на номерном знаке было написано ОМ 938.

В это время оперативники надсмехались над моим состоянием. Они говорили: “Ой, сейчас снегом умою его”, “Витя, ты что, ударился?”, «Наверное, когда тормозили!» Кто-то из них сказал: “Да, возьми его шапку и вытри ему, и чё ты с этим снегом!”. Кто-то побежал на обочину за снегом. Незнакомый стянул с моей головы шапку и поводил ею по лицу.

Было относительно светло, возможно от искусственного освещения на дороге. Передо мной были деревья, их плотность оценить не могу, но через верхушки было видно луну. Серебристая «Приора» стояла чуть впереди, ближе к обочине, параллельно минивэну.

Меня трясло, очень сильно трясло: руки и тело непроизвольно двигались, наручники звенели. Сотрудники сняли наручники и снова легко застегнули спереди.

Меня вновь привезли в здание с табличкой “МВД по Красногвардейскому району”, где посадили на лавку. Бондарева К.А. начал заполнять какие-то листы. Изредка он задавал “уточняющие” вопросы, проверял, что я помню и исправлял, если я ошибался. Очень болела голова, шея и ноги, я чувствовал сильную слабость. Говорить было тяжело, я был подавлен.

Кто-то из сотрудников сказал: “Он штаны кровью залил! Это плохо!”. Другие отвечали: “Да купить ему трико и все”, “Может отмыть?”. Я присмотрелся, темно-коричневые пятна на моих джинсах были похожи на кровь. Видимо кровь капала из разбитого подбородка, когда я ударился лицом о пластмассовое крепление для подголовника на спинке сидения в салоне автомобиля. Кто-то из сотрудников бросил мне маленький кусочек мокрой тряпки и приказал оттирать. Мои попытки оттереть пятна были тщетны. “Ладно, что-нибудь придумаем”, - сказал оперативник и отбирал у меня тряпку.

Бондарев спросил, который час, ему ответили, что уже 07:30, после чего он пожаловался, что двое суток не спал. Затем он стал мне угрожать: «Ты сейчас подписываешь или сутки в другой регион РФ на опознание будешь ехать с этими же людьми!», «И сутки обратно!». Также он говорил: «Ты пойми, офицеры ФСБ всегда добиваются своих целей! Все равно будет так, как мы решим!» Листов было

несколько, на первом было написано, что это “опрос”. Я не знал, что это такое, и все еще не понимал свой статус. Я все подписал, в том числе написал, что с моих слов записано верно.

Затем меня привезли на обыск в квартиру, которую я снимал вместе с [REDACTED]. Сотрудники УФСБ показали удостоверение консьержке и сказали, что будут проводить следственные действия, нужны понятые не из числа жильцов. Из моего рюкзака они достали ключи и открыли дверь. Двое сотрудников забежали в комнату с криками: “Встал! Встал быстро! Подъем!” Сразу послышались звуки падения, как я понял, это упал [REDACTED].

Меня завели на кухню, там я заметил человек с сумкой, из которой он достал принтер ноутбук. Не помню, когда он пришел. К середине обыска пришли еще двое, они “занимались” [REDACTED] в комнате. Они требовали у него все пароли к его ноутбукам, смартфонам и прочей технике. Почти сразу после входа оперативники отзвонились, чтобы за [REDACTED] приехали еще люди.

Было видно, что сотрудники хотят провести обыск “чисто”. Я был удивлен, что мне ничего не подкинули, видимо мне была уготовлена роль второго плана. Понятые сами по себе положение не меняли, смотрели в основном в пол. Я пытался ставить ногу так, чтобы демонстрировать окружающим пятна крови на джинсах, но как мне кажется, это произвело эффект только на [REDACTED], напугав его еще сильнее.

В какой-то момент меня “переодели”. Сначала мне приказали вытащить шнурки из обуви, затем собрать трусы и найти кофту, намекая что в ИВС будет холодно. Приказали снять штаны, кто-то кинул мне трико [REDACTED] с его сушилки.

Мы были на кухне, человек у ноутбука оформлял протокол, когда вошла еще пара человек. Их я почти не видел, только слышал. Они увели [REDACTED] в комнату, где начали его “обработку”. Я слышал их слова: “Ну, он же тебе говорил что-нибудь? Ты должен сказать, что было”, “Ну, что он фразочки бросал, в переписке у него мелькало, ты понял?”. [REDACTED] явно не понимал и в комнате почти перешли на крик. Бондарев ушел в комнату, успокоил сотрудников и прикрыл дверь. Сам он пытался строить со мной “сотруднические” отношения и не хотел, чтобы я понял, что моего знакомого уговаривают оклеветать меня.

После обыска меня привезли в здании УФСБ, мы ждали пропуска для входа. Напротив меня сидел человек, одетый в форму расцветки мультикам (камуфляж multicam), рядом парень в красной кофте и дама, они что-то обсуждали. Я ничего не понимал и был готов заснуть. В какой-то момент передо мной появился низкий мужчина, с закрытым лицом, но без шапки. Он был очень похож на одного из тех “спецов”. Волосы его были частично седыми, одежда - черный верх и скамы (военные штаны с карманами по бокам) болотного, почти черного цвета. Он разговаривал с оперативниками, я ничего не мог разобрать.

Когда нас пропустили внутрь здания, мы проехали на лифте на 3 этаж и затем прошли еще один пролет. Меня доставили в кабинет в глубине коридора, в которой был мужчина, который видимо был следователем. В этом кабинете происходило примерно тоже самое, что и при “опросе”. Были заданы уточняющие вопросы и требование подписать протокол допроса. На первом листе я прочитал, что являюсь свидетелем. Там была фамилия Пчелинцева. Я спросил, где мой адвокат. Мужчина ответил: «Адвокат? Ты свидетель, тебе не положено». Затем он сказал: «У тебя он есть, я могу позвонить. Номер назовешь?». Но номеров адвокатов я не знал.

Затем мужчина мне приказал: “Стул бери и на выход”. Мы вышли из кабинета, меня посадили посреди коридора лицом к другой двери, в которую зашел следователь с распечаткой моих “показаний”. Из-за двери слышалось обсуждение моих “показаний”. Поняв, что я слышу, следователь выглянул из-за двери.

Возможно дверь была двойной, после этого расслышать я уже ничего не мог. Затем мы вернулись в кабинет следователя. Часть листов, которые он уносил в соседний кабинет, следователь отдал мне и сказал: “На, читай и проверяй”. Я читал и пытался оспорить некоторые формулировок. Мы даже какой-то лист перепечатали, заменив слово “конституционный”, на “государственный”. Другие термины оспорить не удалось, так как пришел Бондарев К.А., который сказал, что от них зависит, в какое СИЗО я попаду и что лучше мне сотрудничать, чтобы не попасть в камеру к туберкулезникам. Не желая таких последствий, я всё листы подписал. Уточняю, что следователь не препятствовал Бондареву В.А. в оказании давления на меня.

Следователь несколько раз выносил листы с моими “свидетельскими показаниями” из кабинета. Стало понятно что у этих показаний, авторами которой являются сами сотрудники ФСБ, есть главные редакторы, которые следили, чтобы ничего не вышло из общей канвы.

Затем меня спустили, насколько я помню, на 2 этаж и завели в маленький кабинет, расположенный сразу напротив входа на этот этаж. В кабинете находился следователь по имени Алексей. Там был диван, на котором Бондарев К.А. разрешал мне недолго подремать в середине дня, а также стол с компьютером, которым пользовались все сотрудники, также стояли какие-то стеллажи, было окно (в которое все курили), стул (на котором сидел я) и столик (на котором я пытался дремать). Следователь Алексей рассказывал, как его “дернули” из отпуска, что официально он на отдыхе, и что происходит, он не понимает. Также он разрешил всем, в т.ч. Бондареву К.А. пользоваться компьютером в его кабинете, предупредив лишь, что потом придут люди на опознание и всем придется выйти.

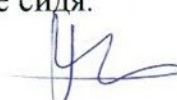
То, что происходило следующие часы в здании УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, я помню отрывками, время. Условно могу разделить все время на три части: до 19 часов, с 19 до ~23 часов и далее. Не все события я в состоянии отнести к тому или иному временному промежутку.

До 19 часов было много неформального общения сотрудников ФСБ со мной. Обсуждали посадки активистов, Мальцева, Навального, митинги и прочее.

Одни из сотрудников провел много времени в одном со мной кабинете. Он выглядел молодо, был пухловат и ленив. По моему, он бы в первой двойке прибывших в аэропорт и занимался моим смартфоном. По его же словам, он был в “машине со спецами”. Мне он говорил: «А я же был в той машине, что ты там про жену кричал? Что любишь ее? Серьезно?». Затем он спросил: “А почему кря-кря?”, “Потому что уточка?”. Я понял, что он ознакомился с записями в моем Телеграме. У моей супруги на аватарке уточка, а подписана там “krya krya”.

Еще он рассказывал истории, как раньше ловил нацистов. Например «Антицыгана», который “радовался, когда ему дали 13”. В какой-то момент ему звонили, после чего он ходил “вооружаться”, т.е. ему надо было быть конвоиром. Вернулся он вечером, с небольшим пистолетом (возможно ПМ) в кобуре с отделом для второго магазина, прикрепленной справа на поясе. Одет он был практично, черная кофта, черные скамы. Увидев скамы Splav моей жены во время обыска, он воскликнул: “У него штаны как у меня!”, но на нем был не Splav, хоть внешне они были практически идентичными.

Этот сотрудник в работе над моим делом особого желания не проявлял. Когда Бондарев неоднократно просил его дописать вторую версию опроса, жалуясь на третьи сутки без сна, он обычно отвечал: “Не, я хоть и в команде, но не очень понимаю, что тут и как”. От работы он отлынивал по максимуму, когда другим сотрудникам звонили, он демонстрировал им жестаами, что “его тут нет”. Более того, ему удалось откровенно поспать на диванчике сидя.

Дальше шло перечисление целого списка женских имен, примерно 5-6, большую часть из которых я слышал впервые. “Где они все? Еще не понял? На свободе, потому что мы не звери”, - убеждали меня сотрудники. Они также говорили: “Мы девушек не берем, сядут только парни. Феминизм вещь хорошая, но мы так не считаем. Приказа брать девушек не поступало. Но твоей жене мы [плохо сделаем] даже в Киеве, если будешь плохо себя вести!”. После этих угроз я реально испугался за свою жену.

Вскоре всем сообщили, что первая версия “опроса” не подошла, не удовлетворяла руководство. Бондарев сел за компьютер следователя Алексея и принялся набирать новую версию. До самого финала он сокрушался что давно не спал, что уже сам не понимает, что пишет, а так же упрасивал коллег его сменить или проверить написанное прежде, чем отдать на проверку “выше”.

Набор текста шел действительно долго, в усталость Бондарева К.А. охотно верилось. Он все время жмурился, разминал пальцы, вставал покурить, а скорость набора была крайне низка. Коллеги отказывали ему в помощи, но ему удалось около 19:00 уговорить их сходить за шаурмой. Это был мой второй прием пищи за сутки.

С какого то момента начались разговоры о том, что «мы ждем адвоката». Как оказалось впоследствии, мы ждали государственного защитника для меня. Ближе к его приходу, сотрудники мне объяснили, что «лучше не дергаться». Мотивировали меня тем, что выбор между нормальным СИЗО и СИЗО с туберкулезниками был в их руках. Также на протяжении всего дня повторялись угрозы поездками в “машине со спецями” в случае, если я не буду подчиняться. Еще была угроза оставить меня без воды: “А воды там не будет! Сколько человек без воды может?”. Осознавая, что еще несколько суток без сна в машине с преступниками, которые имеют возможность меняться, не давая мне передышек, я решил подчиниться.

Все мои попытки сказать, что пытки – это бесчеловечно, что я подписываю листы, потому что нет выбора, так как я не хочу пыток, резко пресекались: “А тебя пытали? Ты же сам ударился в машине! Понял?”. Пресекал их не только Бондарев К.А., но и другие сотрудники. Я поняв, что все они заодно, и боялся дальше рассказывать о случившемся ночью насилии. Я был сломан настолько, насколько было возможно.

В кабинет заходил человек, которого сотрудники называли “сам генерал”. Это был худощавый пожилой мужчина, его одежда напоминала военную форму, но кажется была обычным строгим костюмом. “Генерал”, насколько помню тоже интересовался почему я здесь так долго. Ему так же ответили что ждут адвоката. Было очевидно, что “генерал” действительно имел высокий чин. Он был неразговорчив, голоса его я не помню как и смысла его прихода. Он посидел какое то время в углу между стеной и диваном и удалился.

Вскоре Бондарев К.А. сказал: “Ну пусть хоть Генка посмотрит, что я тут написал! Я уже не соображаю вообще! Мне кажется такой бред вообще!”. Он вставал из-за стола и вышел из кабинета. Через некоторое время вошел молодой мужчина и сел за компьютер. Как я впоследствии узнал, этим мужчиной был следователь Беляев Геннадий Алексеевич. Он сразу начал набирать какой-то текст вместо Бондарева К.А.

В это время из коридора слышались крики Бондарева К.А., адресованные, как он сам называл, “Генке”: “Ну как? Вообще бред, да? Трое суток не спал”. Человек за компьютером что-то ответил, продолжая напряженно стучать по клавиатуре. Он задал еще несколько уточняющих вопросов. Например, он спросил: “Откуда ты узнал об анархизме?”, я ответил, что прочитал в Википедии». Но в основном

вопросы касались тем, которые я сам выдумал во время пыток, когда мне не верили, что я кого-то или что-то не знаю. Поддерживаться целостности таких историй было тяжело: я уже не помнил, что отвечал, и не про все данные мог сказать уверенно – придумал ли их я сам, либо их озвучить меня заставили оперативники.

Вторую версию опроса распечатали и приказали мне расписаться. Что там в итоге было написано, мне не дали ознакомиться. После этого, “Генка” вставил флешку, что-то сделал на компьютере и забрал ее. Мне еще несколько раз сообщили, что все будет хорошо, если я буду сотрудничать.

Как я затем оказался в кабинете следователя Беляева Г.А., я точно не помню. Следователь сказал мне, что «сейчас будем оформлять твое задержание, проводить личный обыск, потом с адвокатом пообщаешься перед допросом». Пришел государственный защитник и понятые, следователь провел мой личный обыск, но при мне ничего не было. Адвокат заметил, что обыск можно было и не проводить, на что Беляев Г.А. дал комментарий, что он только из отпуска и что происходит, он еще не в курсе, а так же рассказал, как после задержания в ИВС у подозреваемого нашли “травку” и предъявили к качеству его обыска претензии.

На вопрос, согласен ли я с задержанием и признанием вины, я ответил отрицательно. “Нет? Точно?” — уточнил следователь. Я подтвердил, что виновным себя не считаю, законов не нарушал, о подготовке и совершении каких-либо преступлений ничего не знаю. В протоколе следователь указал, что официально мое задержание произошло 24 января в 23.30, то есть спустя 28 часов с момента, когда у меня в аэропорту забрали смартфон.

“Ну вон, в углу у окна пообщайтесь”, - Беляев Г.А. указал мне место “конфиденциальной встречи без ограничения во времени” с адвокатом, сам вышел в коридор и закрыл дверь. К защитнику у меня был всего один вопрос: “Что делать?”. Он ответил: “Если честно, я не очень понимаю, что тут у вас”. Я вкратце рассказал ему, какую статью на меня «хотят повесить», что срок от 5 до 10 строгого режима и какие бумажки я уже подписал. Также я пояснил, что ничего не нарушал. Защитник ответил: “Ну, понятно, что хотят. Но первый раз будет условный срок”. Я понял, что он не понимает, где находится и что происходит. Пришлось ему разъяснять, что “по 205 нет условного!”. Защитник стал убеждать, что следствие со всем разберется и надо с ними сотрудничать. После всех этих слов мое доверие к защитнику сразу пропало. Про пытки я ему не стал говорить, потеряв всякую надежду на помощь.

Когда вернулся следователь Беляев Г.А., он сразу спросил: “Ну что, сотрудничать будешь?”. Я ответил: “Буду”. Следователь спросил: “Вину признаешь?”. Лишенный выбора и надежды, я ответил: “Признаю”. Тогда следователь сказал: “Ну, тогда на основе опроса и составлю протокол допроса”. Уточняя, что текст этого опроса он скинул из компьютера следователя Алексея себе на флешку, когда поправил его по просьбе Болдырева К.А.

Опять были уточняющие вопросы, я нёс откровенный бред. Следователя интересовали подробности моих “историй”. Как и при заполнении опроса, вопросов-проверок по выученным в автомашине темам не было. Защитник только два раза проявил инициативу и попросил “оставить место для досудебного”, не задавать много вопросов.

Все остальное время он сидел на диване и смотрел в смартфон, после чего сказал: “И вправду, по 205 нет условного срока! Первая такая статья в моей практике”. За стол он сел, когда “допрос” был дописан следователем и надо было его подписать. Я пробежал текст глазами, подписал и отдал адвокату листы. По окончанию допроса следователь Беляев Г.А. на мой вопрос ответил: “Консульство я

уведомлю". Имелось ввиду Консульство Казахстана, гражданином которого я являюсь.

После допроса меня пешком отконвоировали в ИВС. Там во время осмотра пришел доктор, он стоял в паре метров от меня и ко мне не подходил. Спросил про подбородок, я сказал что ударился. "А что за пятна"? — продолжил он, указывая на мое тело. Я посмотрел на оперативников, они — на меня. "Не знаю", — ответил я. Доктор спросил: "Болят?". Я ответил, что нет, так как по прежнему опасался присутствующих тут же оперативников ФСБ.

В это время один из оперативников достали справку из больницы и вручили доктору. "Что это?" - спросил врач. "Ну, что он здоров," - пояснили ему, - "24 числа освидетельствовали."

Когда меня поместили в камеру, сокамерник спросил: "В первый раз или во второй". Сам он представился, но имени я не помню. Еще он сказал, что здесь он по 105 статье, но со статьей я могу и ошибаться. "Порезал. Ножом", — пояснил он.

25 января 2018 года меня доставили в суд. Какое-то время мы сидели у зала, затем поместили в клетку и суд начался. Судья спросил, согласен ли я со следствием. Я ответил, что не знаю, что сказать. "На усмотрение суда оставляете?" — спросил судья. "Да", — ответил я. Адвокат повторил: "На усмотрение суда".

После суда меня доставили в СИЗО-3, там сотрудники провели досмотр моих вещей, потребовали раздеться и осмотрели меня, затем приказали одеться. Когда пришел врач, сотрудники ему сообщили: "Ну, внешне только лицо". Мне пришлось сказать, что я сам ударился. Было несколько диагностических вопросов, на которые я ответил, что у меня псориаз. Про пытки я ничего не сказал, понимая, что сотрудники УФСБ находятся в соседней комнате, и они могли быть в сговоре с сотрудниками СИЗО.

С моих слов записано верно. Много прощаю.

Приложение к акту опроса: Один лист, на котором изображены 2 контура человека, а также имеются собственноручные пояснения Филинкова В.С. о том, на каких участках тела у него имеются повреждения, причиненные сотрудниками ФСБ в ночь с 23 на 24 января 2018 года.

Опросен Филинков В.В. Черняев